

8477-1
АЧ-1
КНИГА ЗА КНИГОЙ

С.Т.АКСАКОВ

Аленький цветочек

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

540 553

С. Т. АКСАКОВ

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

СКАЗКА

Рисунки
К. КУЗНЕЦОВА

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД**

2013

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответ. редактор Н. МАКСИМОВА.
Худож. редактор П. СУВОРОВ.
Техн. редактор Р. КРАВЦОВА.
Корректоры: Р. ГРАНОВА,
В. КЕРШНЕР.

Сдано в производство 16/XII 1937 г.
Подписано к печати 8/I 1938 г.
Детиздат 1611. Индекс Д-6.
Формат 62 x 94¹/₁₆. 2¹/₄ печ. листа
(1,7 уч. авт.-листа)

Уполномоченный Главлита Б-35709.
Тираж 300 300 экз. Заказ 1602.

Отпечатано на Фабрике детской
книги Изд-ва детской литературы
ЦК ВЛКСМ.

Москва, Сушевский вал, д. 49.

Ø 540553 к/х-рег

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

В некиим царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек.

Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных камней, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камней, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее.

Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорит он своим любезным дочерям:

«Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно, и коли вы будете жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами захотите, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется».

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги, да и говорит ему первая:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого; а привези ты мне золотой венец из камней самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от них светло в темную ночь, как среди дня белого».

Честной купец призадумался и сказал потом:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе такой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне такой венец; а и есть он у одной королевичны заморской, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими. Работа будет немалая: да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась ему в ноги дочь середняя и говорит:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золотого венца самоцветного, а привези ты мне тувалет¹ из хрусталию восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялась».

Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой

¹ Тувалет — то есть зеркало.

Было у купца три дочери, все три красавицы писаные.

королевишны, красоты несказанной, неписаной и негаданой; и схоронен тот тувалет в терему каменном, высоком, и стоит он на горе каменной, вышина той горы в триста сажень, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину персидскому и день и ночь, с саблею наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носит королевишна на поясе. Знаю я за морем такого человека, и достанет он мне такой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной, да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит такое слово:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленький цветочек*, которого бы не было краше на белом свете».

Призадумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь любимую и говорит такие слова:

«Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриних: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? *Аленький цветочек* не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи».

И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девицьи. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам

заморским, по королевствам невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева; он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота: золотой казной корабли нагружает да домой посылает. Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей любимой дочери — аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путем-дорогою, со своими слугами верными, по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и откуда ни возмись налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в темны леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые, и доживать свой век в плену, во неволе».

Бродит он по тому лесу дремучему, непроезжному, непроходимому, и что дальше идет, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не просунуть, смотрит направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо

совершается, а сам все идет да идет: у него под ногами дорога торная. Идет он день от утра до вечера, не слышит он реву звериного, ни шипения змеиного, ни крику совиного, ни голоса птичьего: будто около него всё повымерло. Вот пришла и темная ночь: кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлѣхонько. Вот идет он почти до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда итти на верную смерть, неминучую?»

Поворотил он назад — нельзя итти, направо, налево — нельзя итти, сунулся вперед — дорога торная. «Дай постою на одном месте, — может, зарево пойдет в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем».

Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идет, и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил итти вперед. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Перекрестился купец и пошел вперед. Чем дальше идет, тем светлее становится, и стало почти как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он подконец на поляну широкую, и посередь той поляны широкой стоит дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видать; ровно солнышко красное, и тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нем музыка, какой никогда он не слыхивал.

Входит он на широкий двор, в ворота широкие, растворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным сукном¹, с пери-

¹ Кармазинное сукно — тонкое яркочерное сукно.

лами позолоченными; вошел в горницу — нет никого, в другую, в третью — нет никого, в пятую, десятую — нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купец такому богатству неслезанному, а вдвое того, что хозяина нет; не только хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкая; и подумал он в те поры про себя: «Все хорошо, да есть нечего» — и вырос перед ним стол, убраный-разубранный: в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сомнения; напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лескам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкая.

Дивуется честной купец такому чуду чуждому и такому диву дивному, и ходит он по палатам разукрашенным да любит; а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней, как гора, лежит, пуху мягкого, лебяжьего.

Дивится купец такому чуду новому, новому и чуждому; ложится он на высокую кровать, задерживает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шелковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидеть» — и заснул в ту ж минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше

дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселёхоньки, а печальна одна, дочь меньшая, любимая; и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится ее родимый батюшка; и стало у него на душе и радостно и не радостно.

Встал он с кровати высокой, платье ему всё приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется; чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Всё показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые, и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зеленого, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады. Гуляет он и любит: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, глядя на них слюнки текут; цветы цветут распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные, птицы летают невиданные, словно по бархату зеленому и пунцовому золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, глядеть на их вышину — голова запрокидывается; и бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным.

Ходит честной купец, дивуется; на все такие диковинки глаза у него разбежались, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так

много ли, мало ли времени — неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он, на пригорочке зеленом цветет цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимается, подходит он ко тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным:

«Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая».

И проговорив такие слова, он подошел и сорвал аленький цветочек. В ту ж минуту, безо всяких туч, блеснула молния и ударил гром, земля зашаталась под ногами — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудовище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким:

«Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедный, любимый цветок? Я хранил его, как зеницу ока моего, и всякий день утешался, на него глядячи, а ты лишил меня всей утехи в моей жизни. Я хозяин дворца и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за мое добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною...»

И несчётное число голосов диких со всех сторон завопило:

«Умереть тебе смертью безвременною!»

У честного купца от страха зуб на зуб не попадал; он оглянулся кругом и видит, что со всех сторон, из-под каждого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и несметная, всё страшилища безобразные. Он упал на колени перед хозяином, чудищем мохматым, и возговорил голосом жалобным:

«Ох ты гой еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское: как величать тебя — не знаю, не ведаю! Не погуби ты души моей за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезти: старшей дочери — самоцветный венец, средней дочери — тувалет хрустальный, а меньшей дочери — аленький цветочек, какого бы не было краше на белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшей дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду, аленький цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину богатому, Тароватому, славному и могучему не будет жалко цветочка аленького, о каком просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь».

Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчётною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь вместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моем. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища».

Он упал на колени перед хозяином, чудищем мохнатым.

Так и пал купец на сыру землю, горячими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих дочерей, хороших, пригожих, а и пуще того завопит истошным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит он голосом жалобным:

«Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не захотят ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путем до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю».

Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не хочу я невольницы: пусть приедет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не приедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи».

Думал, думал купец думу крепкую, и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидаться, дать им свое родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти и воротиться к лесному зверю, чуду морскому». Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной не взял, а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу.

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего

широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое против прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золотом ширинки¹ шелковые, начали они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сестры ластятся пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то нерадостен и что есть у него на сердце печаль потаённая. Стали старшие дочери его допрашивать, не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю:

«Мне богатства твои не надобны; богатство дело наживное, а открой ты мне свое горе сердешное».

И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим:

«Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вам об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться».

Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского, на огне не горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достает гостинец средней дочери, тувалет хрустально восточного; достает гостинец меньшей дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери унесли свои гостинцы в терема высокие, и там на просторе ими досыта потешались. Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце ее что ужалило. Как возговорит к ней отец таковые речи:

¹ Ширинка — полотенце, отрезок ткани во всю ширину ее.

«Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного? Краше его нет на белом свете!»

Взяла дочь меньшая цветочек аленький ровно нехотя, целует руки отцовы, а сама плачет горячими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, испробовали они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохлаждаться, ласковыми речами утешаться.

Вечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнѣхонек дорогих гостей, сродников, угольников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалась, и таков был вечерний пир, какого честной купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовались: и посуды золотой-серебряной, и кушаний диковинных, каких никогда в дому не видывали.

Наутро позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей всё, что с ним приключилось, всё от слова до слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому. Старшая дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец к себе другую дочь, среднюю, рассказал ей всё, что с ним приключилось, всё от слова до слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому. Средняя дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей всё рассказывать, всё от слова до слова, и не

успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая, и сказала:

«Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленький цветочек, и мне надо выручить тебя».

Залился слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь, любимую, и говорит ей таковые слова:

«Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будет над тобою мое благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютой и по доброй воле своей и хотению идешь на житье противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великом; да где тот дворец — никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему, ни зверю прыскучему¹, ни птице перелетной. Не будет нам от тебя ни слуха, ни весточки, а тебе об нас и подавно. И как мне доживать мой горький век, лица твоего не видя, ласковых речей твоих не слыша? Расстаюсь я с тобою на веки вечные, ровно тебя живу в землю хороню».

И возговорит отцу дочь меньшая, любимая:

«Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый: житье мое будет богатое, привольное; зверя лесного, чуда морского, я не испугаюсь, буду служить ему верой и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мной и сжалятся. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую: может, я и вернусь к тебе».

Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается.

Прибегают сестры старшие, бóльшая и средняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно

Шо553¹ Прыскучий — стремительный.

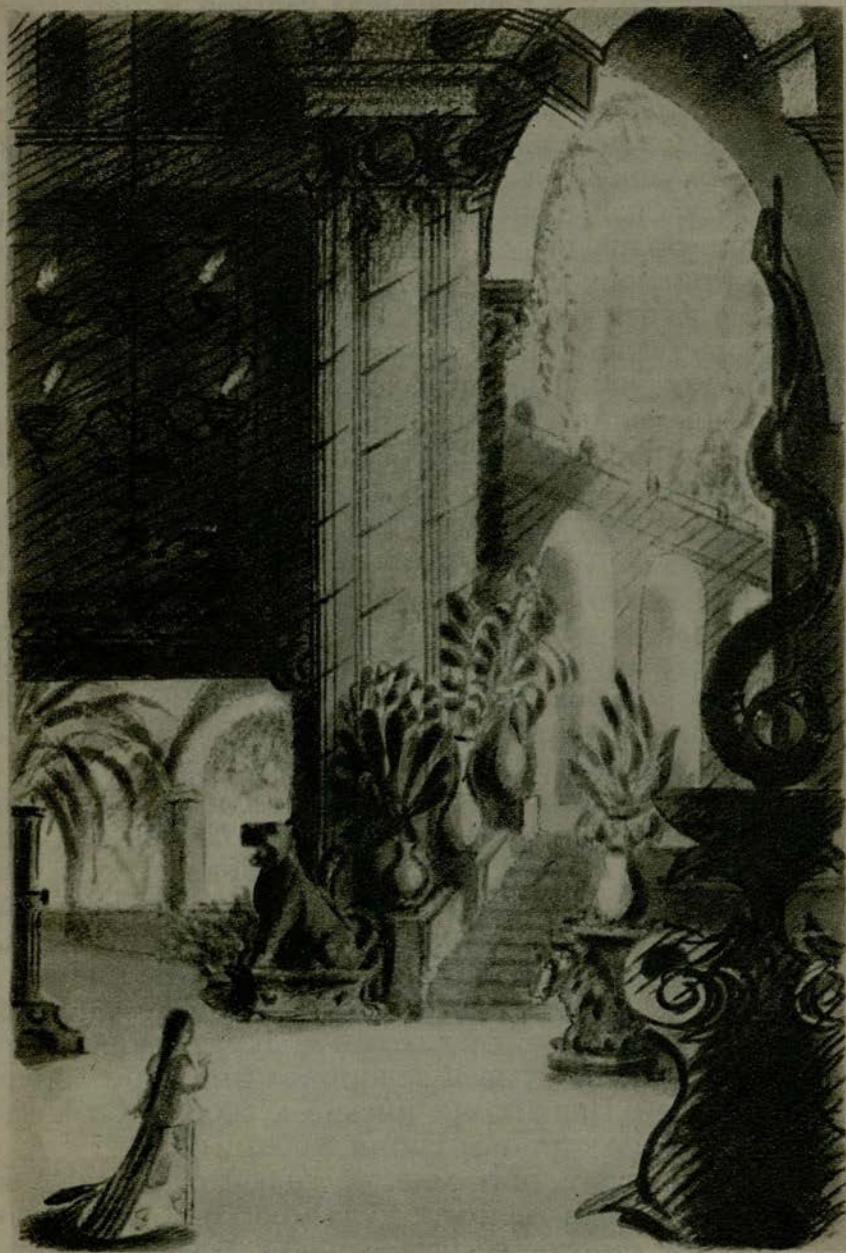
им жаль меньшей сестры любимой; а меньшая сестра и виду печального не кажет, не плачет, не охает и в дальний путь неведомый собирается. И берет с собою цветочек аленький во кувшине позолоченном. Прошел третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшей, любимой; он целует, милует ее, горячими слезами обливает. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского, из ларца кованого, надевает перстень на правый мизинец меньшей любимой дочери — и не стало ее в ту ж минуточку со всеми ее пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких каменных, на кровати из резного золота с ножками хрустальными, на пуховике пуха лебяжьего, покрытом золотой камкой¹, ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать да проснулася. Заиграла музыка, какой отродясь она не слыхивала.

Встала она с постели пуховой и видит, что все ее пожитки и цветочек аленький в кувшинчике позолоченном тут же стоят, разложены и расставлены на столах зеленых, и что в той палате много добра и скарба всякого, есть на чем посидеть-полежать, есть во что приодеться, есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная, а другая стена золоченая, а третья стена вся серебряная, а четвертая стена из кости слоновой и мамонтовой, самоцветными яхонтами вся разубранная, и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальная».

Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осматривать все его палаты высокие, и ходила она немало времени, на все диковинки любуясь; одна палата была краше другой, и все

¹ Камка — шелковая китайская ткань.

Захотелось ей осмотреть весь дворец.

краше того, как рассказывал честной купец, государь ее батюшка родимый. Взяла она из кувшина золоченого любимый цветочек аленький, сошла она в зеленые сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонились; выше забили фонтаны воды и громче зашумели ключи родниковые, и нашла она то место высокое, пригорок муравчатый, на котором сорвал честной купец цветочек аленький, краше которого нет на белом свете. И вынула она тот аленький цветочек из кувшина золоченого и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук ее и прирос к стеблю прежнему и расцвел краше прежнего.

Подивилась она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цветочку аленькому, заветному, и пошла назад в палаты свои дворцовые, и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», как на белой мраморной стене появились слова огненные:

«Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и всё, что тебе пожелается, всё, что тебе на ум придет, исполнять я буду с охотою».

Прочитала она слова огненные, и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И пришло ей на мысли написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумать, как видит она, перед нею бумага лежит, золотое перо со чернильницей. Пишет она письмо к своему батюшке родному и сестрицам своим любезным:

«Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевшна; самого его не вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словами огнен-

ными; и знает он всё, что у меня на мысли, и в ту ж минуту всё исполняет, и не хочет он называться господичом моим, а меня называет госпожой своей».

Не успела она письмо написать и печатью печатать, как пропало письмо из рук и из глаз ее, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, пития медвяные, вся посуда золота червонного. Села она за стол веселёхонька, хотя сроду не обедала одна-одинёшенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обеда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, чтоб ей спать не мешать.

После сна встала она веселёшенька и пошла опять гулять по садам зеленым, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонились, а спелые плоды, груши, персики и наливные яблочки сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие и видит: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и пития медвяные, и все отменные.

После ужина вошла она в ту палату белораморную, где читала она на стене слова огненные, и видит она на той же стене опять такие же слова огненные:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощением и прислугою?»

И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Благодарствую тебе за всё твое угощение. Лучше твоих палат высоких и твоих зеленых садов не найти на белом свете: и как же мне довольною не быть? Я отродясь таких чудес не ви-

дывала. Я от такого дива еще в себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всех твоих палатах высоких нет ни души человеческой».

Появились на стене слова огненные:

«Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушка сенная, верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и день и ночь: не дадим мы на тебя ветру подуть, не дадим и пылинке сесть».

И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати ее девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива; и обрадовалась она госпоже своей, и целует ей руки белые, обнимает ее ноги резвые. Госпожа была ей также рада, принялась ее расспрашивать про батюшку родимого, про сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью; после того принялась сама рассказывать, что с нею в это время приключилось; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые богатые и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякий день угощения и веселья новые отменные: катанье, гулянье с музыкой на колесницах без коней и упряжи по темным лесам; а те леса перед ней расступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую. И стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом; стала посылать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, гово

рить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается,— стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная; ничему она уж не дивуется, ничего не пугается; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все ее повеления исполняют. И полюбила она своего господина милостивого, и видела она, что недаром он зовет ее госпожой своей и что любит он ее пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая слов огненных.

Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на ее просьбу соглашается, испугать ее своим голосом опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласкового, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словами огненными:

«Приходи сегодня во зеленый сад, сядь во свою беседку любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб».

И мало спустя времечка побежала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во беседку свою любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и садилась на скамью парчевую; и говорит она задыхаясь, бьет-ся сердечко у ней, как у пташки пойманной, говорит таковые слова:

«Не бойся ты, господин мой добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: после всех твоих милостей не убоюсь я и рева звериного; говори со мной, не опасаячись».

И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он еще вполголоса. Вздогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услышала голос зверя лесного, чуда морского, только со страхом своим совладала и виду, что испугалася, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай, целый день — во зеленом саду на гуляньях, во темных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Только спросит молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?»

Отвечает лесной зверь, чудо морское:

«Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг».

И не пугается она его голоса дикого и страшного, и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — захотелось молодой дочери купецкой, красавице писаной, увидеть своими глазами зверя лесного, чуда морского, и стала она его о том просить и молить. Долго он на то не соглашается, испугать ее опасается, да и был он такое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером написать; не только люди, звери дикие его всегда устрашались и в свои берлоги разбегались. И говорит зверь лесной, чудо морское, таковые слова:

«Не проси, не моли ты меня, госпожа моя прекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. К голосу моему попривыкла ты: мы живем

с тобой в дружбе, согласии, друг со другом, почитай, не разлучаемся, и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказанную. А увидишь меня, страшного и противного, возненавидишь ты меня несчастного, прогонишь ты меня с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с тоски».

Не слушала таких речей молодая купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежнего, клясться, что никакого на свете страшилища не испугается и что не разлюбит она своего господина милостивого, и говорит ему таковые слова:

«Если ты стар человек — будь мне дедушка, если середович¹ — будь мне дядюшка, если же молод ты — будь мне названный брат, а поколь я жива — будь мне сердечный друг».

Долго, долго лесной зверь, чудо морское, не поддавался на такие слова, да не мог просьбам и слезам своей красавицы супротивным быть, и говорит ей такое слово:

«Не могу я тебе супротивным быть по той причине, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желание, хоть знаю, что погублю мое счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый сад в сумерки серые, когда сядет за лес солнышко красное, и скажи: «Покажись мне, верный друг!» — и покажу я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. А коли станет невмogu тебе больше у меня оставаться, не хочу я твоей неволи и мук вечной: ты найдешь в опочивальне своей, у себя под подушкой, мой золотперстень. Надень его на правый мизинец — и очутишься ты у батюшки родимого и ничего обо мне не услышишь».

Не убоясь, не устрашилась, крепко на себя понадеялась молодая дочь купецкая, красавица писаная. В те поры, не мешкая ни минуточки, по-

¹ Середович — человек средних лет.

шла она во зеленый сад дожидаться часу урочного, и когда пришли сумерки серые, опустилося за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажись мне, мой верный друг!» — и показался ей издали зверь лесной, чудо морское: он прошел только поперек дороги и пропал в частых кустах; и не взвидела света молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками белыми, закричала истошным голосом и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжьи, весь мохнатый от верху донизу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные.

Опамятовалась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышит: плачет кто-то возле нее, горячими слезами обливается и говорит голосом жалостным:

«Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мне больше твоего лица распрекрасного, не захочешь ты меня даже слушать, и придется мне умереть смертью безвременною».

И стало ей жалко и совестно, и совладала она со своим страхом великим и со своим сердцем робким девичьим, и заговорила она голосом твердым:

«Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного, не разлучусь я с тобой, не забуду твоих милостей; покажись мне теперь же в своем виде давешнем: я только впервые испугалась».

Показался ей лесной зверь, чудо морское, в своем виде страшном, противном, безобразном, только близко подойти к ней не осмелился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темной и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая,

красавица писаная. На другой день увидала она зверя лесного, чудо морское, при свете солнышка красного, и хотя сначала, разглядев его, испугалась, а виду не показала, и скоро страх ее совсем прошел. Тут пошли у них беседы пуще прежнего: день-деньской почти не разлучались, за обедом и ужином яствами сахарными насыщались, питьями медвяными прохлаждались, гуляли по зеленым садам, без коней катались по темным лесам.

И прошло немало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот однажды и привиделось во сне молодой купечкой дочери, красавице писаной, что батюшка ее нездоров лежит; и напала на нее тоска неусыпная, и увидал ее в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское, и очень закручинился и стал спрашивать, отчего она во тоске, во слезах. Рассказала она ему свой недоброй сон и стала просить у него позволения повидать своего батюшку родимого и сестриц своих любезных. И возговорит к ней зверь лесной, чудо морское:

«И зачем тебе мое позволение? Золот-перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете, и умру я тою же минутою, по той причине, что люблю тебя больше, чем самого себя, и жить без тебя не могу».

Стала она заверять словами заветными и клятвами, что ровно за час до трех дней и трех ночей воротится во палаты его высокие. Простилась она с хозяином своим ласковым и милостивым, надела на правый мизинец золот-перстень и очутилась на широком дворе честного купца, своего батюшки родимого. Идет она на высокое крыльцо его палат каменных; набежала к ней прислуга и че-

лядь дворовая, подняли шум и крик; прибежали сестрицы любезные и, увидевши ее, диву дались красоте ее девичьей и ее наряду царскому, королевскому; подхватили ее под руки белые и повели к батюшке родимому; а батюшка нездоров лежит, нездоров и нерадостен, день и ночь ее вспоминаючи, горячими слезами обливаясь, и не опомнился он от радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился он красоте ее девичьей, ее наряду царскому, королевскому.

Долго они целовались, миловались, ласковыми речами утешались. Рассказала она своему батюшке родимому и своим сестрам старшим, любезным, про свое житье-бытье у зверя лесного, чуда морского, всё от слова до слова, никакой крохи не скрываючи. И возвеселился честной купец ее житью богатому, царскому, королевскому, и дивился, как она привыкла смотреть на своего хозяина страшного и не боится зверя лесного, чуда морского; сам он, об нем вспоминаючи, дрожкой-дрожал. Сестрам же старшим, слушая про богатства несметные меньшей сестры и про власть ее царскую над своим господином, словно над рабом своим, завистно стало.

День проходит, как единый час, другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де околеет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестер старших дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала им таковые слова:

«Если я моему господину доброму и ласковому за все его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютою, то и не буду я стоять того, чтобы мне на белом свете жить, и стоит меня тогда отдать диким зверям на растерзание».

И отец ее, честной купец, похвалил ее за такие речи хорошие, и было положено, чтобы до срока ровно за час воротилась к зверю лесному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. А сестрам то в досаду было, и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброе: взяли они да все часы в доме целом назад поставили, и не ведал того честной купец и вся его прислуга верная, челядь дворовая.

И когда пришел настоящий час, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие¹, немецкие, а всё рано ей пускаться в дальний путь. А сестры с ней разговаривают, о том, о сем спрашивают, позадерживают. Однако сердце ее не вытерпело; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честным купцом, батюшкой родимым, приняла от него благословение родительское, простилась с сестрами старшими, любезными, со прислугою верною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минутки до часа урочного, надела золот-перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесного, чуда морского; и, дивуясь, что он ее не встречает, закричала она громким голосом:

«Где же ты, мой добрый господин, мой верный друг? Что же ты меня не встречаешь? Я воротилась раньше срока назначенного целым часом со минуточкой».

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мертвая; в зеленых садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды и не шумели ключи родниковые, не играла музыка во палатах высоких. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, кра-

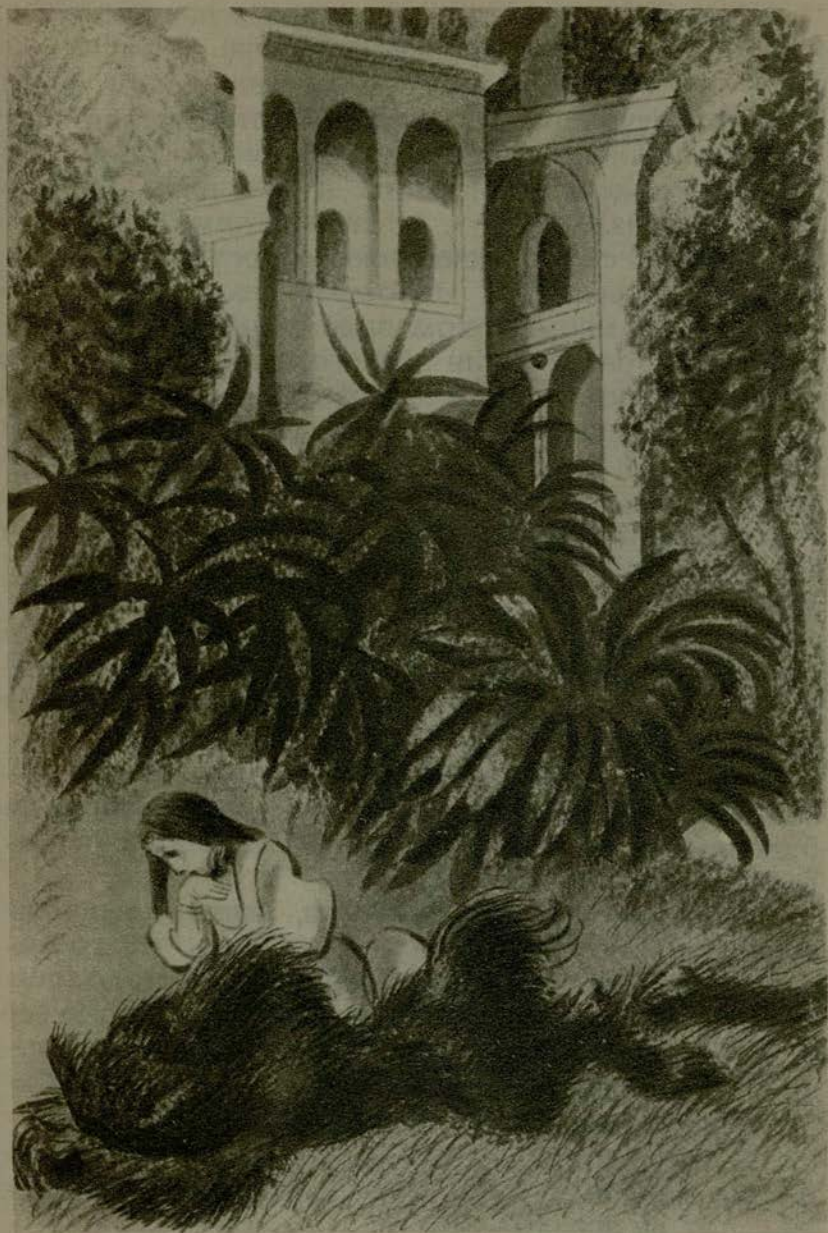
¹ Аглицкие — английские.

савицы писаной, почуяла она что-то недоброе; обежала она палаты высокие и сады зеленые, звала зычным голосом своего хозяина доброго — нет нигде ни ответа, ни привета, и никакого гласа послушания. Побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался ее любимый цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными. И показалось ей, что заснул он, ее дожидаясь, и спит теперь крепким сном. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная, — он не слышит; принялась будить покрепче, схватила его за лапу мохнатую — и видит, что зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мертв лежит...

Помутились ее очи ясные, подкосились ноги резвые, пала она на колени, обняла руками белыми голову своего господина доброго, голову безобразную и противную, и завопила истощным голосом:

«Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю тебя, как жениха желанного!..»

И только таковые слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслась земля от грома великого, ударила громовая стрела каменная в пригорок муравчатый, и упала без памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала без памяти — не ведаю; только, очнувшись, видит она себя во палате высокой беломраморной, сидит она на золотом престоле с камнями драгоценными, и обнимает ее принц молодой, красавец писанный, на голове с короною царскою, в одежде златокованной; перед ней стоит отец с сестрами, а кругом на коленях стоит свита великая, все одеты в парчах золотых, серебряных. И возговорит к ней молодой принц, красавец писанный, на голове с короною царскою:

Зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мертв лежит.

4000
«Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческом, будь моей невестой желанною. Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, украла меня, еще малолетнего, и сатанинским колдовством своим, силою нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила такое заклятие, чтобы жить мне в таком виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари, пока найдется красная девица, какого бы роду и звания ни была она, и полюбит меня в образе страшилища и пожелает быть моей женой законною, — и тогда колдовство всё покончится, и стану я опять попрежнему человеком молодым и пригожим. И жил я таким страшилищем и пугалом ровно тридцать лет, и залучал я в свой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, а ты была двенадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угождения, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевою в царстве могучем».

Тогда все тому подивились, свита до земли преклонилась. Честной купец дал свое благословение дочери меньшей, любимой, и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха с невестою сестры старшие, завистные, и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные, и нимало не медля принялись веселым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пиво-мед пила, по усам текло, да в рот не попало.
